

Стефани Бёрджис

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АВАНТЮРИНЫ

Девочка-дракон

с шоколадным сердцем

Приключения Авантюрины

Стефани Бёрджис

**Девочка-дракон с
шоколадным сердцем**

«АСТ»

2017

УДК 821.111-34-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бёрджис С.

Девочка-дракон с шоколадным сердцем / С. Бёрджис — «АСТ»,
2017 — (Приключения Авантюрины)

ISBN 978-5-17-104774-0

У юной драконихи по имени Авантюрина, живущей в горной пещере, храброе сердце. Чтобы доказать свою смелость и решительный нрав, она покидает родительский дом и отправляется на поиски приключений. Но бедной Авантюрине не везёт: коварный маг превращает её... в самую обычную девочку. Никаких больше острых клыков, широких крыльев и огня, извергающегося из пасти... Одно только храброе сердце. И новая страсть – шоколад!

УДК 821.111-34-053.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-104774-0

© Бёрджис С., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Стефани Бёрджис

Девочка-дракон с шоколадным сердцем

© Stephanie Burgis Samphire 2017

© Freya Hartas 2017

© Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017

© Ю. Капустюк, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Посвящается Джейми Сэмфайру
Я люблю тебя даже больше, чем шоколад!*

Глава 1

Не могу сказать, что я когда-нибудь задумывалась о том, каково это – быть человеком. Зато мой дедушка Гренат всегда повторял: *«Безопаснее не разговаривать со своей едой»*, а, как известно каждому дракону, люди – самая опасная разновидность пищи из всех существующих на свете.

Я – дракон молодой, и всё, что я успела повидать человеческого, – это драгоценности и книги. Украшения были прелестны, а вот книги меня жутко раздражали. Пустая трата чернил! Как я ни старалась и ни шурилась, у меня никогда не получалось продвинуться дальше первых глав непонятного, корявого текста. В последний раз, когда я пыталась это сделать, я так расстроилась, что превратила в пепел три книги, злобно полыхнув на них огнем.

– У тебя что, совсем нет возвышенных чувств? – спросил мой брат, увидев, что я натворила. Яшма собирался стать философом и всегда старался сохранять спокойствие, но когда увидел прямо передо мной дымящуюся кучу, его хвост угрожающе зашевелился, так что золотые монеты взлетели в воздух и осыпались дождем на дно пещеры.

– Только подумай, – сказал он, – каждая из этих книг написана существом, мозг которого размером с половину твоей передней лапы. Но, видимо, даже у *них* больше терпения, чем у тебя!

– Правда? – мне нравилось поддразнивать нашего благородного Яшму и выводить его из себя, и теперь, покончив со своими бумажными врагами, я была готова повеселиться. С тайным восторгом расправив чешуйки, я выпрямилась и сказала: – Думаю, у того, кто любит проводить время за чтением муравьиных каракулей, у самого мозг размером с муравья.

– Апп-г!

На радость мне Яшма устремительно и яростно заревел, бросился вперед и приземлился прямехонько туда, где всего мгновение назад сидела я. Не будь я к этому готова, брат утопил бы меня в рыхлой горе бриллиантов и изумрудов, и мои ещё мягкие чешуйки могли бы сильно помяться. Но вместо меня туда угодил Яшма, а я весело запрыгнула ему на спину, ткнув его мордой в груды камней.

– Дети! – Мама приподняла голову, лежавшую на передней лапе, и страдальчески фыркнула, взметнув ещё целое облако монет. – Тут кое-кто пытается поспать после долгой и утомительной охоты!

– Я бы помогла вам охотиться, – сказала я, спрыгивая с Яшмы, – если бы вы разрешили мне пойти с вами.

– Твоя чешуя ещё не достаточно твёрдая даже для того, чтобы выдержать укус волка. – Огромная голова матери опустилась обратно к блестящим золотисто-голубым лапам. – Не говоря уже о пуле или волшебном заклинании, – устало добавила она. – Может быть, лет через тридцать, когда ты повзрослеешь и будешь готова летать...

– Я не могу ждать еще тридцать *лет*! – взревела я. Мой крик эхом разнёсся по пещере, и где-то в дальних тоннелях нашего жилища дедушка и две моих тети заворчали спросонья, но я не обращала на них внимания. – Я не могу вечно сидеть в этой горе, как в клетке, никуда не ходить, ничего не делать...

– Яшма использует свои мирные годы, чтобы изучать философию. – Мамин голос звучал уже не устало; он стал холодным и жёстким, как алмаз. Её шея вытягивалась надо мной всё выше и выше, а огромные золотистые глаза сузились до двух опасных щелочек и смотрели в упор на меня, её непокорную дочь. – Другие драконы тоже нашли себе увлечения и занимаются литературой, историей или математикой. Скажи мне, Авантюрина: тебе уже удалось найти *своё* увлечение?

Я стиснула зубы и заскрежетала когтями под кучей золота у моих ног.

– Уроки – это скучно. Я хочу исследовать и...

– И как, скажи на милость, ты собираешься общаться с существами, которых будешь встречать во время своих исследований? – сладким голосом спросила мама. – Или в изучении языков ты продвинулась дальше, чем я думаю?

Яшма тихонько захихикал у меня за спиной. Качнувшись, я обернулась и выдохнула в него клубом дыма. Брат даже не шелохнулся, его глаза светились от удовольствия.

– Я уже умею говорить на шести языках, – пробормотала я, повернувшись к маме.

Но поднять голову и посмотреть ей в глаза я не решалась.

– Сестра в твоём возрасте, – сказала мама, – говорила и писала на двадцати языках.

– Гм-м...

Я не осмеливалась фыркнуть в маму дымом. Но я бы с радостью направила его на Цитрину, если бы она была с нами здесь, в тесноте, а не жила далеко в идеальном, неповторимом, единственном в своём роде гигантском дворце. Цитрина сочиняла эпические поэмы, наполнявшие других драконов благоговением, и каждый, кто проходил мимо, кланялся ей, как королеве.

Никто не мог сравниться с моей старшей сестрой. Даже пытаться не стоило.

Я чувствовала, что мамин взгляд стал ещё жёстче, будто она прочла мои мысли.

– Язык, – сказала она, цитируя одного из любимых философов Яшмы, – это величайшая сила драконов, которая во много раз превосходит силу зубов и когтей.

– Знаю, – пробормотала я.

– Действительно ли ты это знаешь, Авантюрина? – Изогнув длинную шею, она опустила голову и посмотрела мне в глаза. – Храбрость – это одно, а безрассудство – другое. Ты можешь считать себя свирепым зверем, но за пределами этой горы тебе не прожить ни дня. Так что пора поблагодарить судьбу за то, что о тебе заботятся родственники, которые старше и мудрее.

Спустя две минуты мама уже забылась глубоким сном, наполнив пещеру тяжёлым свистом. Она дышала так спокойно и ровно, будто никакой ссоры не было и в помине.

– Ни дня? – прошептал Яшма, как только мама крепко уснула. Он стряхнул последние прицепившиеся к спине драгоценные камни и усмехнулся, показав все свои зубы. – Скорее – ни одного часа. А зная тебя – даже не более получаса.

Я сердито посмотрела на него, расправив крылья.

– Я могу отлично о себе позаботиться. Я крупнее и свирепее любого в этих горах.

– Но умнее ли? – фыркнул он. – Готов поспорить на всё золото в этой пещере, что даже волки превзойдут тебя в философских спорах. А ещё они, скорее всего, не поджигают вещи каждый раз, когда проигрывают!

– Ох-хох! – закружилась я, щёлкая хвостом. Но выхода не было. Пещера была слишком узкой, и с каждой секундой стены, казалось, сдвигались ещё больше. Они теснились и давили на меня, стало трудно дышать.

И они хотят, чтобы я ещё тридцать лет торчала в этой горе и выслушивала родственников, отчитывающих меня за скуку?

Никогда.

В это мгновение я поняла, что нужно делать.

Но, что бы обо мне ни думали родные, я была не глупа. Я дождалась, пока Яшма перестал, наконец, дразнить меня и удобно улёгся с одной из своих человеческих книг – той, что я не спалила. Это был философский трактат, так что я не сомневалась, что в безопасности.

– Пойду прогуляюсь по тоннелям, – сказала я после того, как он перевернул когтем несколько страниц.

– М-м-м, – промычал Яшма, не поднимая головы. – Авантюрина, послушай только: один парень считает, что с моральной точки зрения нельзя есть мясо. *И рыбу!* Он не хочет причинять вред ни одному живому существу, поэтому ест только растения. Разве это не удивительно?

– *Удивительно?* Он умрёт с голоду! – Я испуганно заморгала. – Я же тебе говорила, что у этих людей вместо мозгов одни камни!

Но брат меня даже не слышал. Дым тоненькой струйкой умиротворённо струился из его ноздрей, и он, урча от удовольствия, поднёс крошечную книжечку ещё ближе к глазам.

Я перешагнула через его хвост и двинулась навстречу свободе.

Грохочущий храп отдавался эхом в длинных тоннелях пещеры, где спали дедушка Гренат, тётя Турмалина и тётя Изумруда. К счастью, в это время дня, когда солнце в зените, тихий, немного шаркающий звук моих шагов никого бы не разбудил. Припав брюхом к земле, я протискивалась вверх по боковому тоннелю, который обнаружила два года назад. Для взрослых он был слишком узок, и они им не пользовались. На самом верху, прикрытый огромным валуном размером с мою голову, находился секретный вход в гору. Это было моё самое любимое место на свете.

Конечно, я уже давным-давно показала его Яшме, но сам он сюда никогда не приходил – только если я тащила его силой. Куда больше ему нравилось лежать с книжкой, свернувшись калачиком в пещере, или, аккуратно опуская в чернила длинный коготь, царапать бесконечные многословные трактаты.

Я любила бывать здесь одна. Я отталкивала валун, высовывала наружу кончик морды и так глубоко вдыхала свежий воздух, что в носу начинало покалывать, а потом смотрела, как над головой проносятся облака. Уходить дальше я никогда не осмеливалась, но здесь могла лежать часами, мечтая о том дне, когда мне наконец позволят расправить крылья и взмыть в бескрайнее небо.

Сегодня впервые в жизни я не собиралась ограничиваться мечтами.

Я хотела показать Яшме – и маме, – как хорошо я умею о себе позаботиться. Тогда у взрослых больше не будет повода держать меня взаперти.

С переполняющим меня волнением я плотнее прижала крылья к телу и рванулась навстречу миру и свободе.

Выбраться из норы оказалось труднее, чем я предполагала. Плечи застряли в отверстии, и от усилия я едва не взревела. Чтобы не закричать, мне пришлось прикусить губу и проглотить дым. *Наконец* я смогла освободиться – *хоп!* – вылетев как пробка из бутылки, упала на землю и заскулила от боли. Сложенные крылья так сильно поцарапались об острые камни, что в серебристо-малиновой чешуе появились рваные раны.

Что сказала мама? *«Твоя чешуя ещё не достаточно твёрдая даже для того, чтобы выдержать укусы волка...»*

Я заскрежетала зубами и с трудом поднялась на все четыре лапы, держа крылья наполовину сложенными. Я вздрагивала от каждого дуновения ветерка, но боль прошла.

Пытаться летать я сегодня не стану. Ничего страшного. Чтобы поймать добычу, мне летать не нужно.

Впервые в жизни надо мной раскинулся купол свободного голубого неба, и я тоже была свободна. У меня за спиной возвышалась зубчатая вершина горы. Передо мной простиралась поросшая лесом равнина. А между ними, спрятанные где-то в мятых предгорьях, бежали узкие каменистые тропы, которыми звери и люди ходили по своим ежедневным делам.

Ведомая запахом пищи, я стала спускаться по склону горы.

Глава 2

Охотиться оказалось труднее, чем я думала.

Спускающуюся по склону тропинку покрывала твёрдая, неровная земля, и мелкий гравий летел из-под каждого моего шага. Как бы медленно и аккуратно я ни ставила лапу, эти коварные камушки всё равно летели вперед, как шпионы, спешившие предупредить всех о моём приходе. Проведя на склоне горы около двух часов, я была готова сжечь его дотла, а мой желудок ворчал громче меня.

Снова и снова я слышала голоса птиц, которые просили, прямо-таки умоляли их съесть. Один раз я учуяла аромат восхитительных теплокровных животных, проскользнувших вниз по тропинке всего в пятнадцати метрах от меня. *Так близко!* Но когда я побежала, пытаясь застать их врасплох, ручеек из камней впереди меня превратился в поток; я поскользнулась, упала и укатилась в заросли колючих ёлок. Когда я наконец добралась до нужного места, добыча давным-давно скрылась.

Это было так нечестно, просто невыносимо. Я разочарованно покачала головой. Но не могла позволить себе даже рыкнуть – из опасения, что услышат родные.

Наверное, к этому времени в нашей горе все уже проснулись. Конечно, им не придёт в голову сразу бросаться на мои поиски. Прежде я частенько уходила исследовать дальние тоннели. Но если я вскоре не вернусь, они забеспокоятся, и если найдут меня прежде, чем мне удастся поймать хотя бы кого-то, меня больше никогда не выпустят из пещеры.

Ни в коем случае нельзя возвращаться с пустыми лапами!

Вдруг я услышала тонкий мужской голосок. Он пел.

Моей добычей станет человек.

Ноздри вспыхнули, все чувства обострились, и я ощутила запах тёплого, аппетитного млекопитающего, к которому примешивался аромат горячей сосны.

Он развёл огонь. Он сидит на месте.

Он поёт.

Он меня не услышит!

Мышцы напряглись, задние лапы приготовились к прыжку. Но прыгать я не стала. Даже я не была настолько безрассудна.

Может, я и не любила человечьи книги так сильно, как Яшма, зато внимательно слушала рассказы дедушки.

Вдруг у этого человека был мушкет?¹ Или меч?

Люди – самая опасная добыча драконов. Даже мама нечасто охотилась на них в одиночку. Дедушка учил нас не приближаться к ним, когда мы одни, и выбирать более безопасную пищу. А ведь у дедушки чешуя была такой крепкой, что могла бы выдержать и удар клинка, и пулю.

Я оглядела царапины на моих ноющих крыльях и расстроено заворчала. Здравый смысл прижимал меня к земле, как булыжник, а пустой желудок гнал вперед.

Но потом...

Ох. Я вдруг представила себе глаза Яшмы, когда я принесу в пещеру человека. По моей чешуе пробежали мурашки. Я сама. *Одна!*

Даже маме придётся признать, что я готова позаботиться о себе во внешнем мире. Нет лучшего способа проявить себя. Я должна это сделать!

Глубоко вздохнув, я прижалась к земле. Брюхом я задевала грязь и камни, подкрадываясь вперёд. Человек продолжал петь, и по мере приближения я стала различать слова. Он пел на знакомом мне языке:

¹ Старинное ручное огнестрельное оружие.

И вьётся дорога, и вьётся дорога, и нет ей конца...

Ха! В мире нет дорог, которые бы не заканчивались где-нибудь.

Я же говорила Яшме, что у людей вместо мозгов камни!

Наконец я увидела свою добычу. Он облюбовал уютную впадину в склоне горы, с трёх сторон окружённую валунами и колючими елями. В центре неё он развёл костер и теперь сидел у огня на корточках, спиной ко мне. Напряжённо глядяваясь сквозь деревья, я затаила дыхание и крепко сжала пасть, чтобы от волнения горячий дым не вырвался наружу и не спугнул его.

Ни мушкета, ни меча у него не было. *Слава богу.* И он не был одним из тех редких, опасных людей, которые пользовались магией – худшей разновидностью человеческого обмана: те обычно одеты в причудливые чёрные мантии, в которых выглядят так, словно у них нет ног. Дедушка нарисовал одного из них для меня и Яшмы и заставил нас пообещать, что мы никогда не подойдём близко к такому существу – по крайней мере, пока не пройдёт сто лет с тех пор, как наша чешуя затвердеет. Однако этот человек был одет в безобидные фиолетово-розовые лохмотья, сквозь которые проглядывали тощие конечности.

Чтобы его поймать, следовало действовать *быстро*. Так быстро, чтобы он не успел выхватить меч или лук и стрелы из огромной сумки, лежавшей рядом с ним... или топор... или...

Я крупнее и яростнее его, сурово напомнила я себе. *Я – самый страшный зверь на этой горе.*

Вдруг он начал поворачиваться в мою сторону.

Сейчас! Я открыла пасть в беззвучном рёве и прыгнула.

– Ай-ай! – вскричал человек и выронил в кастрюлю то, что держал в руках. Он попятился, споткнулся о камень и упал на бок. Я победоносно бросилась к нему.

И тоже закричала, потому что мои и без того израненные крылья поцарапались о еловые ветки.

– Ай!

Я не достигла цели, и, страдая от боли и крепко прижимая крылья к туловищу, тяжело приземлилась рядом с костром.

– Ай, ай, ай.

Ой. Когда человек раскрыл глаза, я поняла, что произнесла это вслух.

– Апп-г! – Я вскочила и обнажила все пятьдесят зубов. *Так-то лучше.* Человек в ужасе заморгал, на его лице засверкали капельки пота. Он раскрыл рот, но не издал ни звука.

Возвышаясь над ним, я приготовилась к прыжку.

И в этот момент я почуяла его.

Соблазнительный, сладкий, диковинный аромат. Глубокий, благоухающий и струящийся прямо у меня под носом.

Я молниеносно повернула длинную шею к огню.

– Что это?

– Ч-ч-что? – Не сводя с меня глаз, человек отшатнулся ещё на шаг назад.

Мне было всё равно. Ещё успею его поймать, потом. Всё, что интересовало меня в ту минуту, – это кастрюля, которую он подвесил над огнём; кастрюля, аромат из которой расплывался во все стороны и щекотал и будоражил все мои чувства. Я захлёбывалась слюной. *Это должно стать моим!*

В кастрюле кипела обычная вода, но в ней виднелись коричневые завитки-усики, которые постепенно растворялись, и вода от этого становилась всё темнее и гуще.

– Что в этой кастрюле? – спросила я.

– В кастрюле? – Он застыл на месте. – Шоколад.

– *Шоколад?* – Я никогда не слышала о шоколаде. Яшма о нём не рассказывал, а ведь он читал все трактаты человеческих философов, которые только попадались ему в лапы. Как только

могли эти философы радоваться, поедая *растения*, когда можно было полакомиться чем-то настолько дивным?

Я опустила морду к кастрюле так низко, насколько это было возможно, чтобы кастрюля не перевернулась. И втянула носом воздух.

О, небеса.

Волна желания накрыла меня с головой.

– Это *шоколад*?

До сих пор я хотела только мяса – любого: опалённого, сырого, слегка поджаренного. Я считала, что вкуснее ничего и быть не может. Но теперь...

Неужели такие же чувства Яшма испытывал к философии?

Я должна была узнать, каков шоколад на вкус. Я не проживу ни секунды, если не попробую! Я согнула шею, потянулась вперед и...

– Подожди! – вскричал человек.

Я в недоумении отшатнулась.

– Ты только что сказал мне «*подожди*»? – Мои израненные крылья яростно задёргались, и я в упор посмотрела на него. Он был ничтожно мал и слаб, и он *не подпускал меня к моему шоколаду*?

– Значит, вначале мне придётся съесть тебя, – печально сказала я.

– Нет! – Он заметался передо мной, высоко поднимая руки. – Я просто хотел сказать, что шоколад ещё не готов. Я готовлю горячий шоколад. Я не успел всё перемешать. Я даже пряности не добавил!

Прищурившись, я посмотрела на него.

– Хочешь сказать, что он станет ещё вкуснее?

– Тебе ведь никогда ещё не приходилось пробовать горячий шоколад, верно? – спросил он.

– Ну, – сказала я, и вспомнила, как дедушка предостерегал меня от хитрых людей. – Может, и приходилось, – слукавила я. – Никогда не знаешь наверняка.

Он помедлил. Потом наклонился и поднял с земли деревянную ложку. Его руки дрожали.

– Поверь мне, – сказал он. – Тебе стоит немного подождать.

Не успела я ответить, как он отвернулся и принялся помешивать в кастрюле ложкой.

В ожидании я присела, внимательно наблюдая за ним.

Его лицо было напряжено и сосредоточено, и он начал насвистывать себе под нос мелодию, иногда напевая слова. Он что, снова затянул эту глупую песню? Ритм был немного другим, но кому придёт в голову слушать эту человечью чепуху? Только не мне. Я даже не старалась разобрать слова.

Хотя как только он опустил руку в карман, я одним когтем схватила его за плечо.

– Никаких мечей!

– Я... я... – Он дрожал всем телом. – Это не меч, – наконец вымолвил он. – Смотри. – Он достал из кармана мешочек. – Это корица.

Корица? Я подозрительно наклонилась к мешочку. Если он хочет меня отравить...

– Я сам съем немного, – сказал он. – Смотри. – Он опустил в мешочек дрожащий палец, зачерпнул несколько оранжево-коричневых крупинок и проглотил их. – Видишь?

Лучше того – я *чувствовала*. Открытый мешочек издавал чудесный аромат.

– Добавь это в кастрюлю, – приказала я. Мне хотелось понюхать эту смесь. Я уже не сомневалась, что сочетание корицы с шоколадом окажется *восхитительным*.

Тяжело дыша, он бросил в кастрюлю несколько крупинок.

О, я была права. Новый аромат оказался *даже лучше* предыдущего.

Я подумала, что мне совсем не захочется тащить его к семье, чтобы его там съели. Куда приятнее было бы держать этого человека в качестве домашнего питомца, чтобы он варил мне горячий шоколад каждый раз, как я этого захочу.

Он стал бы трудолюбивым домашним питомцем. Помешивая горячий шоколад, он продолжал насвистывать себе под нос забавный ритмичный напев. Его тело было напряжено и сосредоточенно. Наверное, я стала прислушиваться внимательнее, пытаюсь уловить слова, но разве меня когда-нибудь интересовало то, что говорят люди? Кроме того, я была поглощена тем, что вдыхала сладкие запахи из кастрюли. Будь моя воля, я бы закуталась в этот аромат и часами наслаждалась им. *Горячий шоколад*. Вот сокровище, достойное дракона!

Я решила, что посмотрю позже, нет ли в его поклаже ещё шоколада. Я уже знала, что захочу горячего шоколада снова. И *побольше*.

Наконец он поднял на меня глаза и улыбнулся нервно и нерешительно.

– Готово, – сказал он. – Могу налить его в чашку или...

Я фыркнула в него дымом, едва не задевшем его лица.

– Неужели ты думаешь, что я смогу пить из ваших крошечных человеческих чашек?

– Думаю, нет, – сказал он. – Тогда пей прямо из кастрюли. – Он обернул лохмотьями свою уязвимую человеческую руку, защищая её от жара, и поднял кастрюлю за длинную ручку.

– Осторожно, горячо.

Протягивая лапу, я посмотрела на него с презрением.

– Я – *дракон*.

Обхватив маленькую кастрюльку когтями, я сжала её как самый драгоценный камень на свете, осторожно поднесла к губам и, закрыв глаза, стала маленькими глотками пить роскошную обжигающую жидкость.

Ох-х-х!

Оказавшись на вершине блаженства, я даже пошатнулась от удовольствия.

Шоколад, шоколад, шоколад...

Ах-х-х!

Вдруг внутри меня всё взорвалось, а в глазах потемнело.

Глава 3

Первое, что я осознала, открыв глаза, – что я нахожусь в другом месте. Всего мгновение назад, сидя на задних лапах, я сверху вниз смотрела на человека в ярких лохмотьях с удивительными кулинарными способностями. Теперь я видела только голубое небо.

О. Видимо, я лежу на спине.

Это странно. Прежде я никогда не лежала на спине, ведь так можно повредить крылья.

Мои крылья! Где мои крылья? Я не чувствовала их. Попытавшись встать на четыре лапы, я тут же завалилась вперед.

Что с моими лапами?

Открыв пасть, чтобы выпустить дым, я обнаружила, что его там нет. Но почему? Раньше я всегда кашляла, когда меня охватывала паника. А сейчас я определённо была в панике!

– Осторожно, – услышала я. Голос показался мне знакомым, но только отчасти. Когда я слышала его в последний раз, он был намного слабее.

Я повернула голову, и это оказалось на удивление трудно – но размышлять об этом было некогда.

Рядом стоял человек. Мой человек. Но как он стал таким большим? Всего минуту назад он был крошечным, а теперь нависал надо мной, как колокольня.

– Двигайся медленно, – предупредил он. – Тебе потребуется какое-то время, чтобы привыкнуть.

– Привыкнуть к чему? – взвизгнула я.

Я оцепенела, и горло сжалось в нехорошем предчувствии. Это был не мой голос. Мой голос гремел, вырываясь из пасти, а *этот* был тонким и скрипучим. Он звучал... он звучал, как...

Я затрепетала всем телом и прижалась к земле.

– Вот, возьми. – Человек вздохнул и снял верхнюю одежду. – Тебя знобит. Наверное, это от шока. – Он набросил мне на спину длинную фиолетовую накидку, и я утонула в ней, а её края легли на землю по бокам от меня.

Как она может быть такой большой? Если только...

– Не может быть! – пролепетала я этим жутким, тонким, неправильным голосом. – Нет!

– О, да, – сказал он. – Мне жаль, но, понимаешь, я не мог поступить иначе. Ты ведь собиралась меня съесть. Ты была такой огромной, что не было никакой надежды тебя остановить. – Он пожал плечами. – Пришлось изменить тебя.

У меня закружилась голова. Я не могла дышать. Чтобы успокоиться, я попыталась вонзить в землю когти, но они отказались погружаться, беспомощно оттолкнувшись от неё.

Мне не хотелось наклоняться и смотреть, что не так. Я не сводила глаз со стоявшего передо мной человека-обманщика.

– Ты не волшебник! – сказала я. – Тебе меня не обдурить. На тебе нет чёрного плаща!

– Чёрного? О, я понял, что ты имеешь в виду. Ты говоришь о королевских боевых магах в их накидках. – Он фыркнул. – Нет, я *не из их числа*. Они вытворяют яркие показательные волшебные трюки на полях сражений, так что им достаются и золото, и слава, и костюм... А я...

Его губы растянулись в самодовольной улыбке.

– Я представляю собой нечто гораздо более интересное. Я – пищевой маг. Нас немного, но поверь мне, мы очень могущественны. Тебе ведь понравился горячий шоколад, который я наколдовал, не так ли? Это кое-что да значит.

Кое-что? Этот горячий шоколад был вкуснее всего, что я когда-либо пробовала в своей жизни. От одного воспоминания о нём мой желудок скрутило волной желаний.

Что он имел в виду, сказав «*наколдовал*»?!

Пищевой маг наклонился и извлёк из сумки какой-то круглый предмет, засверкавший на солнце. Меня сковал страх: я знала, что это такое. Однажды дедушка принёс один такой предмет домой вместе с целой кучей других человеческих штукovin вроде котелков и кастрюль, чтобы показать нам. Цитрина мгновенно определила, что это.

Зеркало.

– Хочешь на себя взглянуть? – спросил пищевой маг подозрительно мягко.

Нет, подумала я, но не позволила себе произнести это вслух. Я была драконом. Мне не пристало показывать страх перед кем-либо, особенно перед тем, кто должен был стать моей добычей.

Я лежала, застыв от ужаса, а зеркало приближалось всё ближе и ближе.

Я не убегу. Я не опозорюсь. Я...

Маг опустил зеркало на уровень моих глаз.

На меня смотрела человеческая девочка. Её золотистые глаза были широко раскрыты. В них застыл ужас.

Пищевой маг не стал задерживаться после случившегося. Насвистывая, он собрал свои вещи и даже вытер кастрюлю. От аппетитного запаха мой рот наполнился слюной, но я сжала маленькие глупые зубы и силой заставила себя больше не просить у него шоколада.

Такого удовольствия он не заслужил.

– Верни. Меня. Обратно! – приказала я. – *Иначе...*

Пятнадцать минут назад он бы задрожал, услышав мой рёв. А теперь только неловко улыбнулся и закинул на плечо мешок.

– Удачи тебе, маленький дракон.

Накидку он тоже забрал с собой, оставив меня только в одеянии из серебристо-малиновой ткани с чешуйчатым узором, в котором я оказалась после превращения. Оно как вторая кожа покрывало мое оголённое бесчешуйчатое тело, но совершенно не защищало мягкие подошвы. Я никак не могла заставить себя посмотреть на эти несчастные босые ступни или на серебристо-малиновую имитацию моей чешуи. Каждый раз, когда я хотела это сделать, зубы предательски начинали стучать, и мне приходилось обхватывать себя слабыми верхними конечностями, чтобы приглушить дрожь в остальной части тела.

Дедушка бы знал, как поступить. Я повторяла себе это каждый раз, когда начинала забывать, что драконы не испытывают страха. Никогда.

– Знаешь, может быть, тебе даже понравится быть человеком, – сказал пищевой маг. – Когда придёшь в себя и успокоишься, спускайся с горы. Ближайший город – Драхенбург, столица. Там ты сможешь найти заработок и крышу над головой.

– *Заработок?* – повторила я, уставившись на него. – А что это?

Он вздохнул и покачал головой.

– Тебе предстоит многому научиться. Просто запомни: иди туда. – Он махнул рукой в сторону склона. – На твоём месте я бы поискал работу подмастерьем. Не знаю, сколько тебе было лет, когда ты была драконом, но сейчас тебе на вид не больше двенадцати. И лучше бы поскорее отправиться в путь. Ты же не хочешь оказаться здесь в темноте, когда дикие звери выйдут на охоту.

– Я – самый лютый зверь в этих горах! – огрызнулась я.

Человек издал забавный хрюкающий звук.

Потом мохнатые линии над его глазами опустились, а губы искривились. Было в его лице что-то такое... О, камни и кости. Это что – жалость?

Как бы я хотела по-прежнему быть могущественной и огнедышащей! Я бы его спалила, вместе с его шоколадом, просто чтобы стереть с его лица это выражение.

– Удачи, – повторил он и повернулся ко мне спиной.

Через минуту его насвистывание стихло где-то вдали. Я осталась одна на опушке леса, на горе, которая вдруг показалась мне гигантской.

Отлично. Ярость придала мне сил. Стиснув зубы, я перевернулась и оттолкнулась задними ногами от земли.

Я смогу.

Я не решилась встать перед пищевым магом. Я не могла допустить, чтобы кто-то – особенно *он* – увидел, что я дрожу, как дурочка. Но теперь, после его ухода, я не собиралась здесь больше задерживаться. Мне нужно было вскарабкаться на гору, и – я застонала при этой мысли, снова присев на все четыре лапы – у меня был ужасный сюрприз для моих родных.

О, как мама, и дедушка, и обе тёти будут качать головами, глядя на меня, когда увидят, что произошло! Я представила, что они скажут, и стиснула свои жалкие зубы. И как Яшма будет меня дразнить...

Ничего. Просто нужно с этим смириться как можно скорее, а потом они перестанут рычать и размахивать крыльями, успокоятся и вернут мне прежний облик.

Как-нибудь.

Но драконы не умеют колдовать, прошептал тоненький голосок где-то в глубине моего сознания.

Я тут же заглушила его, попытавшись рыкнуть своим коротеньким и узким горлом. Я не собиралась покорно опускать голову и сдаваться. Я дракон, а не червяк, и настало время вернуться в пещеру. Там я буду счастлива и просто посижу, пока моя родня не позаботится обо всём и не устранил эту нелепую маленькую проблемку!

Тогда я найду ещё шоколад! Но прежде нужно научиться ходить.

Если уж люди это умеют, значит, это не трудно. Кряхтя от усилия, я приняла вертикальное положение.

Спустя пять минут я уже задыхалась и снова лежала на земле, там, куда упала, больно ударившись... *снова.* Человеческое тело такое нелепое!

Оскалившись, я ударила своей передней лапой – *рукой* – по земле.

Я не умею ходить на двух ногах? Отлично! Тогда пойду на четырёх. В любом случае это будет куда разумнее. Люди бы и сами так поступали, будь они более практичными существами. И всего-то нужно немного подумать, согнуть чересчур длинные задние ноги под правильным углом, и потом...

Оуууу! Я заскулила и снова упала на землю, сделав всего три шага. Правую руку пронзила боль, и, чтобы немного притупить ее, я поднесла ладонь ко рту и облизнула. На языке остался привкус крови.

Фу! Я в ужасе сплюнула. Разве может *кровь* быть такой невкусной?

Я была насквозь пронизана проклятьем. Если я от него не избавлюсь, вскоре мне придется жевать овощи!

Эта мысль заставила меня предпринять ещё одну попытку.

На этот раз я извивалась, пока не увидела ветку, лежавшую на земле неподалеку. *То, что нужно!* Я слышала о драконах, которым удавалось передвигаться всего на трёх лапах. Если смогли они, смогу и я.

Скрежеща зубами и хромая, я стала подниматься по склону горы.

Через двадцать минут я выбросила палку и пошла – неловко, но терпимо – на двух больных израненных ногах.

Через полчаса над моей головой проплыла огромная тень. Я так быстро запрокинула голову назад, что в шее что-то звонко хрустнуло.

Ага!

Прямо надо мной, там, где должно было быть голубое небо, медленно темнеющее к ночи, я увидела нечто необъятное, золотисто-алое. Оно летело низко, едва не задевая верхушки деревьев.

Этот чешуйчатый узор я узнала бы где угодно.

– Дедушка! – крикнула я и стала прыгать на месте, ощутив в человеческих ногах мышцы, о существовании которых прежде и не догадывалась. Позабыв обо всем от радости, я широко размахивала руками.

– Дедушка, это я!

Его голова, снизу казавшаяся невероятно большой, наклонилась. Одним золотистым глазом он уставился на мою прыгающую фигуру.

– Дедушка! – крикнула я снова.

Дракон собрал крылья, сделал круг и полетел... в противоположную сторону.

Раскрыв рот от изумления, я смотрела на него, не веря своим глазам.

– Эй! – крикнула я, наклонилась и подняла камень размером с ладонь. – Вернись!

И швырнула камень со всей силой, на какую была способна.

Конечно, камень до него не долетел и приземлился неподалеку. Но он привлёк его внимание, а я именно на это и надеялась.

Шея дракона по-змеиному изогнулась, поблескивая и переливаясь всеми цветами радуги, и он широко раскрыл огромную пасть.

Я приложила к своему крошечному рту обе ладони:

– Дедуш?..

Пламя огромным огненным шаром вырвалось из его пасти и устремилось прямо на меня.

Прежде чем я успела это осмыслить, моё новое тело пришло в движение. Я упала на землю, скрутившись в клубок, и больно перекувырнулась, прижав голову к груди.

Пламя скользнуло по спине и исчезло. Я лежала, не шевелясь, ожидая следующей атаки. Без чешуи я моментально превратилась бы в пепел.

Теперь в любой момент...

Стоп. Как давно это было?

Осторожно открыв глаза, я медленно подняла голову и увидела фигуру дедушки далеко-далеко в небе. Он улетал прочь и даже не удосужился обернуться.

Я смотрела ему вслед.

Он пытался меня спалить.

А потом бросил меня здесь!

Члены семьи никогда не бросали друг друга. За свои сокровища и своих детёнышей драконы были готовы отдать жизнь. Я хоть и жаловалась на высокомерных и строгих взрослых моей горы, но каждой своей клеточкой ощущала, что они сделают всё – абсолютно всё, – чтобы меня спасти.

Но потом... Мое человеческое горло судорожно сжалось, будто в нём застряло что-то ужасное – что-то вроде правды.

Я больше не их детёныш, не так ли?

Я проводила взглядом дедушкин силуэт, который становился всё меньше, исчезая вдали. Царапины и ссадины покрывали мои мягкие, уязвимые конечности, и каждый сантиметр кожи изнывал от боли.

Я осознала, что увидел дедушка, когда посмотрел на меня.

Огненный шар был лишь предостережением. Он бы не стал утруждать себя и убивать назойливую человеческую девочку, пока она не совершит что-то поистине дерзкое и опасное, например *пока не попробует зайти в семейную пещеру.*

Глубоко вздохнув, я с трудом поднялась и села на твердую землю, обхватив ноги руками, словно защищаясь. Небо темнело, становилось прохладно. Поднявшийся в горах сильный

ветер пробирал ознобом сквозь тонкую, бесчешуйчатую кожу и развевал черную шерсть на моей голове, закручивая вокруг лица.

Позади меня простирался горный склон, как и четыре часа назад, когда я только отправилась в своё первое большое путешествие.

Теперь я поняла окончательно, что не смогу вернуться домой.

Глава 4

Без своего огня я даже не умела разжечь костёр. Всё, что могло спасти меня от холода в ту ночь, – это скала, ужасные мысли и... урчащий желудок.

Внутри горы Яшма и мама, бабушка и тётки спали на уютных насыпях золота и драгоценных камней, выпуская из ноздрей мирный тёплый дымок. Каждый раз, представляя себе их сладкий сон, я рычала... просто потому, что рычание – лучше, чем стон.

Никогда в жизни я не чувствовала себя такой маленькой и жалкой.

Никогда прежде я не теряла свою семью.

К тому времени, когда солнце наконец начало всходить, я ослабла и устала от своих мучений. Накануне вечером я была занята тем, что бросала в отвесную скалу камни – целую сотню, – пока жилистые человеческие мышцы не сковала жгучая боль. Потом в течение нескольких часов из моих крошечных глаз текли странные влажные капли, а я лежала, съёжившись, на холодной земле, поддавшись слабости в темноте, где никто не видел моего унижения.

Я была на грани. *Больше никогда!* У меня уже зашипало в глазах, и, зажмурившись, я уронила последнюю каплю жгучей влаги. Затем яростным рывком встала с земли. Какой дракон свернётся калачиком и сдастся просто потому, что ему слегка не повезло? Мои родные не верили, что я смогу выжить одна, но я докажу им обратное. Я всем покажу – и даже этому обманщику, пищевому магу, – какая я на самом деле сильная. Спущусь с горы, найду себе *заработок*, что бы это ни значило, и буду есть столько шоколада, сколько захочу, – *всегда!*

Спустившись с горы, я пошла по широкой грязной дороге, которая пересекала зеленые, поросшие лесом подножия холмов, как вдруг услышала за спиной топот копыт. К этому времени мои босые ступни были так изранены, что каждый шаг отдавался болью, и чтобы идти, приходилось напрягать каждый мускул. Я даже не сразу поняла, что стук копыт приближается.

Но, едва услышав, как два голоса весело слились в песне, я невольно сжалась.

Только бы не снова эта песня о петляющей дороге! До сих пор она приносила мне одни неудачи!

Хуже того, теперь, когда я разобрала больше слов, оказалось, что новая песня еще бессмысленнее, чем рифма, которую напевал пищевой маг.

«Потому что настоящих друзей ничто, ничто не разлучит, и настоящую любовь ничто не разобьёт, если она...»

Неужели? Где-то в глубине моего человеческого горла нарастало рычание. *Попробуйте превратиться в другой вид, и вы обнаружите, что это быстро разлучит вас с друзьями, люди!*

Топот копыт и нестройное пение приближались, и я обернулась посмотреть, кто же там едет.

Ох! У меня засосало под ложечкой, а желудок заурчал громче прежнего. Копытами стучала большая белая лошадь, при взгляде на которую мой рот наполнился слюной. Какой прекрасной трапезой этот конь оказался бы для дракона!

Люди, тоже весьма упитанные, кутались в свободные темно-зелёные одежды, такая же зелёная ткань покрывала их головы. Я никогда не видела, чтобы чешуя у дракона была одного цвета, но, возможно, эти люди надеялись, что их примут за деревья. Если так, то вели они себя слишком шумно. Они сидели высоко в повозке, и даже скрип колёс и топот копыт не могли заглушить их нелепое пение.

Тут они заметили меня.

– О, о, о! – Женщина схватила мужчину за руку. – Фридрих, посмотри, это девочка! О, остановись, сейчас же остановись!

О, да, молча согласилась я. Главное, перестаньте петь!

Но люди не просто перестали петь. Мужчина потянул за ремни, которые держал в руках, и лошадь остановилась всего в метре от меня, подозрительно фыркая.

Ах, как досадно иметь крошечные бессмысленные человечьи зубы! Но и без клыков я оставалась драконом. Запрокинув голову, я встретилась взглядом с конём и дала ему понять: у него есть все основания быть подозрительным. Я – хищник. Будь у меня сейчас мои когти и огонь, он бы стал самым лучшим завтраком, который у меня когда-либо был!

– О, бедное дитя!

Ой! Мне стоило уделить больше внимания животным позади лошади.

В ужасе я отшатнулась назад, но слишком поздно. Женщина-человек уже спрыгнула с повозки и обхватила меня руками. Она прижала моё лицо к своей мягкой груди так, что я едва не задохнулась.

– Ты только посмотри на себя! Бродишь здесь в глуши совсем одна! Поверить не могу! О, Фридрих, взгляни: у неё даже ботинок нет! Ей ведь не больше двенадцати, правда? Она как раз то, что мы ищем!

Ботинки? Что такое ботинки? И как они могли узнать, что меня нужно искать? Даже я не знала, что окажусь здесь.

При всём желании я не смогла бы задать ей эти вопросы. Мой рот был плотно прижат к её свободной зелёной накидке, а руки распластаны по бокам.

– Мммппх. – Я попыталась подать голос сквозь сомкнутые губы. – Мппх!

– Да ты *замёрзла!* – сказала женщина. – Посмотри, Фридрих, она замёрзла, и некому о ней позаботиться, так что мы просто обязаны ей помочь. Мы же не можем оставить ее здесь одну, правда? О, нет, нет, ты прав. Так будет лучше для всех нас.

Разве Фридрих что-то сказал? Все, что до сей поры я от него слышала, – это приглушённый вздох, сопровождаемый напряжённым взглядом в сторону. Но моя захватчица подалась вперед, как будто он с ней согласился, и потянула меня к телеге, на ходу снимая с себя зелёную накидку и оборачивая её вокруг моих плеч. Ткань, окутавшая меня, струилась до земли и была такой тёплой, что я не решилась ее скинуть.

Однако я упёрлась своими кровотокающими ступнями и оттолкнулась руками от телеги прежде, чем женщина успела схватить меня и посадить в неё.

– Подождите!

– Подождать? – оторопев, женщина быстро взглянула на меня. – О, Фридрих, она расстроена. Как ты думаешь, почему она так расстроена? Она что – испугалась? Или...

Фридрих по-прежнему не смотрел на нас, но его лицо скривилось под кустистой серой шерстью, словно ему стало больно.

– Может, Грета...

Но я не нуждалась в том, чтобы кто-то говорил вместо меня.

– Я *не боюсь* никого и ничего! – Выпрямившись во весь рост, я посмотрела на поймавшую меня женщину. – Куда это вы собрались меня забрать? Я даже не знаю, едете ли вы в верном направлении!

– В верном *что?* – удивилась женщина. – Ты находишься одна среди *гор!* Разве можно двигаться отсюда в неверном направлении?

Фридрих в первый раз повернулся.

– Это правильный вопрос, Грета. – Он кивнул в мою сторону. – Куда вы направляетесь, юная леди?

Я гордо выпятила подбородок.

– Я иду в большой город, – сказала я. – Чтобы найти там заработок.

– Ты хочешь работать? – спросила Грета. – О, разве это не чудо? Видишь ли, у нас для тебя уже есть отличное место, – просияла она. – Хочешь верь, хочешь нет, но нас только что покинула очередная служанка. Она была настолько бестолковой и жадной – *настоящая* город-

ская девчонка! Требовала, чтобы мы платили ей за любую мелочь, которую она делала, постоянно ныла и просила дать отгул. Она разбила мне сердце своей неблагодарностью, честное слово! Разве не так, Фридрих?

Глаза Фридриха округлились так широко, что я сделала шаг назад. Вдруг у людей это предупреждающий сигнал? Вдруг он готовится к нападению?

Грета, казалось, этого не заметила, но и смотрела она не на него, а на меня.

– И вот чудесным образом появляешься ты, чтобы занять её место, – радостно продолжала она. – Наверное, так и должно было случиться! Мы примем тебя в нашем доме как родную дочь, а ты будешь готовить, убирать и выполнять все необходимые мелкие поручения. И, конечно, нам не придётся тебе ничего платить, потому что, если бы не мы, ты бы умерла тут с голоду, так что...

– Никаких уборок, – твёрдо сказала я. Фридрих перестал вращать глазами, но на всякий случай я время от времени на него поглядывала. – Я не буду служанкой, что бы это ни означало. Я хочу стать *подмастерьем*. И мне нужно найти шоколад.

– Шоколад? – Грета отступила и быстро заморгала. – *Тебе?*

Широкие плечи Фридриха поднялись и опустились под зелёной накидкой.

– Нынче в Драхенбурге куча шоколадных домов, – сказал он. – Это новая мода, не так ли? Прихоть короля.

– Гм-м, – сказала Грета. – Можно подумать, ты хоть раз в жизни заходил в шоколадный дом, Фридрих. Ну что ты такое говоришь, честное слово! Если не хочешь, чтобы я о тебе позаботилась...

Но я уже приняла решение.

– Отлично! – сказала я.

Дом, сделанный из шоколада? Что могло быть лучше? Я стала человеком, и мне не терпелось поселиться в таком доме!

Потом я нахмурилась, вспомнив об опасности.

– А пищевых магов в этих домах не бывает?

Грета посмотрела на меня расширившимися серо-зелёными глазами и расхохоталась.

– Ах ты маленькая невежа! – Улыбаясь, она подошла ко мне и погладила по голове, спутав всю мою шерсть. Я стиснула зубы. – Ни разу в жизни не слышала о пищевых магах! Уверена, они лишь миф, как и музыкальные маги. В домах уважаемых людей волшебства не происходит, знаешь ли!

Фуух. Я успела отдернуться прежде чем она снова погладит меня по голове, но от облегчения не стала даже огрызаться.

Когда в следующий раз я буду есть шоколад, это совершенно точно будет не волшебство! Нежданных превращений мне уже хватит на всю жизнь.

– А как насчет других разновидностей магов? – спросила я. – Их много в Драхенбурге? Если бы вы могли попросить кого-то из них помочь мне...

Фридрих пожал плечами и поудобнее перехватил поводья.

– Там всегда есть королевские боевые маги, – сказал он. – *Они-то* настоящие! Около дюжины, собранные со всего королевства, они живут все вместе рядом с дворцом, насколько я слышал. И готовы в любой момент отправиться на борьбу с врагами и драконами и тому подобным по приказу короля. Как в сказках. Интересно это всё. – Он взглянул на Грету, которая, прищурившись, смотрела на него, и поспешно добавил: – Не то чтобы я хотел этого для себя, конечно.

– Гм-м, – нахмурилась я.

Скорее всего, ни один маг, который специализируется на борьбе с драконами, не сумеет меня расколдовать, сколь бы честным и справедливым это ни было. Впрочем, нет особого

смысла возвращаться в своё тело лишь для того, чтобы тут же быть пойманной группой охотящихся на драконов боевых магов.

– Хорошо, – сказала я и повернулась в сторону, куда смотрела лошадь. *К шоколаду.* – Тогда я поеду в Драхенбург.

– С нами! – воскликнула Грета и захлопала в ладоши. – Именно там мы и живём!

– Ну... – Нахмурившись, я сделала шаг назад. Мне не нравился её решительный взгляд. – Я не уверена...

– Спорить с ней бесполезно, – подмигнул мне Фридрих и подвинулся на скамейке. – Залезай скорей, и мы обойдёмся без пререканий.

– Разве тебе не повезло, что мы оказались здесь и можем тебе помочь? – Грета приобняла меня за плечи, удерживая от отступления. – Нас нечасто можно встретить в нелюдимых местах. Но мы как раз возвращаемся с фермы моей сестры и её мужа.

Она мягко потянула меня, подталкивая обратно к повозке. Её щебетанье заморочило мне голову.

– Хочешь верь, хочешь нет, но эти двое такие провинциалы, что понятия не имеют, сколько всё стоит в Драхенбурге. Они *такие* простофили во всём, что касается денег! Поэтому мы всегда забираем у них кучу дешёвой свежей еды и продаем её в Драхенбурге с огромной выгодой. Так им и надо, раз они такие дуралеи, правда? – Она раскатисто рассмеялась. – Хотя кое-что мы и себе оставляем, разумеется. В городе ведь *по-настоящему* хорошего молока и мяса не найти, правда же?

Голова закружилась от потока её слов, а ведь я даже не знала, что такое «молоко». Но при слове «мясо» мой желудок издал поистине драконий рык.

– Ты только послушай! Ты же умираешь от голода! – Грета обхватила меня на удивление сильными руками и затащила в повозку прежде, чем я успела запротестовать. – И взгляни на свои босые ноги – они все в крови! Вот... – Она забралась вслед за мной, наклонилась над скамьей и начала рыться в сумках, корзинах и коробках, в беспорядке раскиданных в задней части телеги. Фридрих цокнул языком, и лошадь двинулась вперед. – Ботинок у меня с собой нет, зато я могу тебя покормить в дороге.

– Мясом? – с надеждой спросила я и вытянула короткую шею, пытаясь заглянуть в корзину, в которой она рылась.

– *Мясом?* – пробормотала она и рассмеялась. – Господи, детка, не можем же мы сейчас остановиться и разжечь костёр, чтобы приготовить тебе мясо! Мы всё ещё в горах. А разве ты не знаешь, как опасно здесь находиться? Хотелось бы уехать отсюда как можно скорее, верно, Фридрих?

– Для меня мясо готовить не нужно, – сказала я. – Правда.

– О, глупышка, я вижу, как ты голодна, но не тревожься. Такие жертвы ни к чему. Только посмотри, что я нашла. – Грета выпрямилась с сияющей улыбкой, обнажив все зубы. Руки она держала спрятанными под зеленой одеждой. – Та-да! – Она высвободила одну руку. – Бутылка молока, свежего, только что из-под коровы моей сестры! И, – она выдернула вторую руку, – козий сыр!

Я в ужасе смотрела на угощение.

Молоко было белым. Белым, как кость. Таким же был и сыр. Будь это мясо, оно бы было протухшим.

– Вы уверены, что они не опасны? – спросила я.

– Что за вопрос! – Покачав головой, Грета открыла крышку от бутылки. – Думаешь, я позволю тебе умереть от голода сейчас, когда мы тебя ещё даже до города не довели? Особенно если ты будешь благодарным ребенком и впредь станешь выполнять любую нашу, даже мелкую, просьбу?

– Что? – сказала я. – Я не...

– На, пей! – Она подтолкнула к моему лицу открытую бутылку, и мне ничего не оставалось кроме как начать пить – иначе бы молоко потекло по подбородку.

Я пила. И продолжала пить, потому что Грета продолжала удерживать бутылку. Оттолкнуть её мне удалось лишь после двух долгих глотков. *Фух*. Не успела я опомниться, как ощутила в руке пластинку липкого белого сыра.

– Съешь его! – довольно сказала Грета и поднесла его к моим губам. – Скоро тебе понадобятся силы!

При виде сыра мой желудок скрутило, но я подчинилась.

Люди едят самые странные вещи. К счастью, моё новое человеческое тело, видимо, тоже. От этого сыра не заболело ни горло, ни желудок. И от молока тоже. Даже их вкус не вызвал у меня отвращения.

Дедушке было бы за меня стыдно.

Я определённо скатывалась всё ближе к овощам.

Грета смотрела на меня почти драконьими глазами, пока я не съела весь сыр до последней крошки и не выпила молоко до последней капли. Тогда она удовлетворённо вздохнула.

– Ну вот. Теперь тебе лучше, правда? Я чем-нибудь обмотаю твои ступни, чтобы они не кровоточили в телеге, но ты сможешь приступить к работе сразу, как только мы прибудем домой.

Я стёрла с подбородка последние капли молока и настороженно посмотрела на неё. Всегда знала, что у людей крошечные мозги, но эта особь оказалась на редкость забывчивой.

– Я буду работать в *шоколадном доме*, – напомнила я. – Я не собираюсь вам прислуживать – ни вам, ни кому-либо другому. Забыли?

– О, конечно, конечно, – пробормотала она. – Как я могла забыть? Но пока мы не доберёмся до города, оставайся с нами... потому что, поверь мне, ты никогда не найдёшь его сама. – Она похлопала меня по плечу. – Тебе повезло, что мы с тобой встретились. – Знаешь, – она понизила голос и наклонилась ко мне, зажав меня между собой и Фридрихом, – однажды мой кузен Джордж видел, как над горами летал дракон! Говорят, где-то здесь есть целое гнездо этих свирепых тварей.

– Ну, Грета, – тихонько произнёс Фридрих.

– Я не шучу! – возразила Грета. – Никому не нравится о них говорить, но они существуют, точно. Нет смысла утверждать обратное. Может быть, в наши дни они держатся подальше от больших городов и ферм, но каждому, кто отправляется в эти горы, грозит опасность. Я испытываю ужас всякий раз, когда мы путешествуем! Правда же, Фридрих?

Фридрих лишь тяжело вздохнул, но я увидела, как уши лошади затрепетали. Я её не осуждала.

– Не знаю, почему король позволяет им здесь оставаться, – сказала Грета. – Я всегда говорю, что ему следует послать своих боевых магов и прикончить их всех до одного! Мне бы спокойнее спалось. В городе полно важных людей, которые со мной согласны!

– Прикончить *драконов*? – Не в силах больше сдерживаться, я повернула голову и посмотрела на неё. – Вы с ума сошли?

Она раскрыла рот от изумления.

– Ну и грубиянка же ты!

Я нахмурилась.

– Эти драконы съедят всех боевых магов, если те попытаются их прогнать!

– И я об этом говорю, – пробормотал Фридрих. – Король – разумный человек, Грета. Он не хочет приближаться к драконам. Никто не хочет.

Никто, кроме меня. Я бы всё отдала, чтобы вернуться к своей семье, особенно сейчас.

Но телега увозила меня всё дальше от нашей пещеры, с каждым *клип-клон* лошадиных копыт, а Фридрих и Грета спорили о том, как лучше всего поступить с драконами: отравить их

или воспользоваться заклинаниями, держаться от них подальше (идея Фридриха) или отправить к ним целую армию, чтобы прикончить (будто у них это получится).

В это трудно поверить, но затем всё стало ещё хуже. Когда спор наконец утих, Грета решила, что настало время для ещё одной партии развесёлых дорожных песен.

Путешествие обещало быть очень долгим.

Глава 5

Через час я так утомилась, что голова начала клониться набок, а мягкая задняя часть заняла от сидения на жёсткой деревянной лавке. Грета обмотала мои израненные ступни тряпками и в отчаянии закатила глаза, заметив, насколько я несведущая в вопросах «одежды».

В прежнем своём обличье я бы выпустила клубы дыма при одной только мысли о том, чтобы накинуть на себя всё то, что люди надевают на свои жалкие тела. Однако я не сомневалась, что очень скоро эти знания мне пригодятся. К сожалению, после бессонной ночи на склоне горы я с огромным трудом снова и снова принимала ровное положение, чтобы не заснуть и выслушать-таки снисходительную лекцию Греты.

После того как я в шестой раз чуть не заснула, она сердито вздохнула и твёрдой ладонью прижала мою голову к своему плечу.

– Ну-ну, – пробормотала она. – Поспи, пока не приедем. Так будет лучше для всех нас, правда?

– Ммм, – промямлила я.

Что-то не давало мне покоя, взывая из глубин моего сознания, но мне никак не удавалось это уловить. Какое-то предупреждение. Если бы я только могла вспомнить...

Слишком поздно. Глаза закрылись, и темнота перенесла меня к мечтам о сверкающем золоте и алмазах. Я смеялась и гонялась за Яшмой, запрыгивала ему на спину и рассыпала звенящие сокровища. Я вгрызалась зубами в свежее, восхитительнее мясо, которое мои родные только что принесли с охоты. Я слышала, как смеялся дедушка, когда мы с Яшмой...

– *Авантюрина!* – Это было предостережение бабушки, одно из тех, что я слышала много раз. Как я могла о нём забыть? – *Никогда не доверяй людям. Они лгут и жульничают!*

Я проснулась и резко выпрямилась, сердце бешено колотилось в груди. Я дышала так часто и тяжело, словно бежала несколько часов подряд.

Меня окружали люди, *со всех сторон*.

Высокие прямоугольные здания тянулись к небу справа и слева от меня и теснились впереди до самого горизонта. Толпы суетливых людей с корзинками и сумками неслись по обе стороны от вымощенной камнем дороги. Люди громко болтали в запряжённых лошадьми телегах, с грохотом проезжавших мимо нас нескончаемой вереницей. Мне было так тесно среди них, что я с трудом дышала.

Как могли люди это выносить?

Холмы, через которые мы проезжали, пока я спала, теперь возвышались вдаль, за высокой каменной башней с массивным циферблатом. Часы сверху вниз смотрели на суетливый человеческий город и отбивали все те минуты, что я потеряла. Когда я закрыла глаза, было не позднее девяти утра – а теперь, наверное, уже полдень.

Мне совсем не нравилось то, куда я попала за эти несколько часов.

Телега остановилась у высокого здания из красного кирпича с разбросанными квадратиками прозрачного стекла на фасаде. На окнах красовались горшки с розовыми цветами. Всё, начиная с этих цветов и заканчивая приторно-сладкими статуэтками напротив входной двери, указывало, что это был именно тот дом, в котором могла проживать Грета. Вот только поблизости я не заметила ни единого куска шоколада.

И не ощущала его запаха.

Когда все мои чувства окончательно пробудились, предупреждая об опасности, я услышала, как над моей головой Грета прошептала Фридриху:

– *Перестань упрямиться и просто занеси её в дом! Я помню, что она говорила, но к тому времени, как она проснётся, всё уже будет улажено, и...*

– Я проснулась! – зарычала я и резко села. Будь моя воля, я бы расправила крылья и изогнула шею, чтобы выглядеть устрашающе. Вместо этого я сощурила глаза и гневно посмотрела сначала на одного своего попутчика, потом на другого.

– Это ведь не шоколадный дом?

Фридрих поморщился и спрыгнул на землю. Он глядел куда-то в сторону, словно не в силах вынести мой взгляд. Зато Грета улыбнулась и впила мне в плечи пальцами, да так крепко, что я не могла вырваться.

Посмотрев ей в глаза, я вспомнила то, о чём забыла за время долгого путешествия: даже без когтей и чешуи люди оставались хищниками.

– Что ж, дорогуша. – Её пальцы сжались крепче и больно ущипнули меня, когда она нагнулась ближе. – Я знаю: ты *думаешь*, что хочешь работать в шоколадном доме, но поверь, ты не выдержишь в этом прекрасном месте ни дня. Ты даже не знала, что такое ботинки, пока я тебе не сказала! Никто, кроме нас, и не подумает брать тебя на службу. А без нас ты умерла бы от голода прямо на той дороге в горах!

– Так что теперь, когда мы проделали такой долгий путь, привезли тебя сюда и даже поделились с тобой едой и питьём из одной только сердобольности, пришло время тебе стать хорошей и послушной девочкой и отплатить нам добром. – Она мягко подтолкнула меня в сторону Фридриха. Тот по-прежнему стоял с другой стороны телеги, отвернувшись и опустив плечи. – Спрыгивай рядом с Фридрихом, и мы все зайдём в дом, где совершенно безопасно, через вон ту дверь, – указала она. – И тебе больше никогда не придётся беспокоиться о том, как прокормить себя. Поняла, дорогуша?

Костлявые пальцы Греты больно впивались в моё хрупкое человеческое плечо через плотную зелёную накидку, которую она мне одолжила. Я заглянула в её улыбающееся лицо и улыбнулась в ответ.

Это была та самая широкая улыбка, которая демонстрировала все мои зубы, и мои родные тотчас бы это заметили.

– Поняла, – сладким голосом ответила я.

– Хорошая девочка. – Её пальцы наконец ослабили хватку.

Я спрыгнула с телеги, оставив в ней тусклую зелёную накидку, и жёстко приземлилась на городскую улицу, в полуметре от того места, где ждал меня Фридрих. Выдохнув, он рванулся ко мне.

Но опоздал.

Пригнув голову, я вывернулась и изо всех сил побежала зигзагами мимо телег, лошадей и людей.

Я уже покинула одну безопасную пещеру, в которой задыхалась.

И никогда не позволила бы поймать себя снова.

Грязь и лошадиный навоз вонючей скользкой жижей покрывали круглые выпуклые камни городских улиц. Мои ступни, обёрнутые в тряпье, тут же стали липкими. Спустя всего двадцать минут после моего великого побега мне пришлось уже в пятый раз останавливаться и счищать грязь с лохмотьев вокруг ног.

Чтобы не упасть, я прислонилась к торчащему из тротуара толстому искусственному дереву кремового цвета. Вместо кроны на его вершине виднелась причудливая стеклянная чашечка. Забавно, что её установили в центре города, но, оглядевшись, я поняла, что это ещё не самое странное.

По обеим сторонам улицы возвышались жёлто-белые здания, украшенные, как драгоценностями, лёгким кружевным орнаментом и испещрённые рядами прямоугольников из прозрачного стекла. Люди толпами вливались и выливались из открытых дверей, болтая, смеясь и наполняя руки всё большим числом сумок и нарядных коробок.

Жилище Греты располагалось на улице, где все дома были из красного кирпича, а каждая дверь плотно запирала их от внешнего мира. То место, где я находилась теперь, настолько отличалось от всего, что я видела до сих пор, что если бы не те же самые массивные, поросшие лесом зелёные предгорья вдали и гигантская часовая башня, торчавшая в центре, я бы решила, что оказалась в другом городе.

Лошади цокали копытами вверх и вниз по улице, таща за собой золотисто-чёрные кареты, которые ничем не напоминали простую телегу Греты. Даже люди выглядели здесь не так, как те, что мне встретились рядом с её домом.

Из утренней лекции Греты я запомнила несколько нужных слов. Голубые или жёлтые вещи длиной до земли, которые носили все люди женского пола – то есть *женщины*, – назывались «платьями». Они пышно обвивались вокруг ног и казались совершенно непрактичными. Мужчины носили «брюки», которые выглядели более разумно, но Грета пришла в ужас, увидев их на мне, девочке. Зато на моих, по крайней мере, был чешуйчатый окрас, в отличие от скучных человеческих брюк!

В культуре драконов яркие цвета считались предметом гордости, но люди мужского пола, видимо, их боялись. Все они родились с кожей разных оттенков, разной шерстью на голове и разным цветом глаз, но выбрали один и тот же тип тусклой, тёмной одежды, как будто старались слиться в массу, как стадные животные. С момента своего приезда я не заметила здесь ни единой яркой вспышки малинового или золотого. Хуже того, по какой-то причине мужчины вокруг словно стремились придушить себя огромными белыми узлами, которые они все повязывали вокруг шеи.

Но всё увиденное мною в городе не могло сравниться по странности с тем, что *чуял* мой нос.

Здесь почти на каждом углу встречались продавцы еды. Они стояли рядом с большими чёрными открытыми печами и выкрикивали названия своих яств, заполняющих ароматом всю улицу. Свежие, горячие «вафли» пахли так сладко, что заставили меня облизнуться. «Картофель в мундире» источал пикантный, пряный аромат, и «жареные каштаны» казались на редкость заманчивы. Я шла по улицам, и из открытых дверей до меня доносилось все больше и больше ароматов.

Я была голодна и могла бы расхныкаться, будь у меня чуть меньше достоинства. С тех пор, как я утром позавтракала молоком и сыром, прошло уже очень много времени. Видимо, даже крошечным человеческим желудкам требовалось более насыщенное питание.

Однако мною руководило кое-что поважнее простого голода! Прошёл день, как я не ела шоколад!

Найдя наконец свою страсть, я не собиралась останавливаться прежде, чем она окажется в моих лапах навсегда.

Увы, ни один из жёлто-белых домов вокруг меня не выглядел так, будто был сделан из шоколада. А моему слабому человеческому носу нелегко было уловить аромат знаменитых шоколадных домов среди множества других обрушившихся на меня запахов: запахов готовящейся пищи, от которых у меня текли слюни, странных искусственных благовоний, которые, кажется, все люди наносили на себя, и смрада дымящихся куч, которые оставляли после себя лошади...

Задача будет нелёгкой, даже для потайного дракона.

Но я была готова попытаться. Отойдя от дерева-лампы и приняв хиваясь, я тронулась в путь. Мои обёрнутые в лохмотья ноги уверенно шлёпали по земле.

Глава 6

Шоколадные дома оказались вовсе не такими, как я себе представляла.

Когда восхитительный аромат шоколада, становясь всё ярче, привёл меня к открытой двери очередного жёлто-белого здания, я остановилась перед ней, не веря своим глазам.

Два человека едва не врезались в меня сзади.

– Ой, извините! – Женщина, которая оказалась ближе ко мне, брезгливо отдернула от меня край своего пышного платья, хотя я и близко не касалась его. Яркая рыжая шерсть на её голове была сложена в высокий пучок, и она задрала заострённый подбородок, чтобы, поморщившись, посмотреть на меня сверху вниз.

Мужчина рядом с ней откашлялся. Тёмная кожа поверх его модного шейного узла покраснела.

– Не могли бы вы посторониться...

Я посмотрела на них с осуждением, прищулив глаза:

– Это здание сделано не из шоколада!

– Ээ-э... – Мужчина взглянул на женщину и вскинул тонкие полоски шерсти над глазами. – Нет, – сказал он. Он сказал это так, словно не был уверен.

– Точно нет, – заверила его я и скрестила руки. – И где мне найти в этом городе настоящий шоколадный дом?

Глаза женщины округлились так же встревоженно, как глаза Фридриха утром того же дня.

– Это и *есть* настоящий шоколадный дом, дитя, – сказала она. – Самый лучший и знаменитый в Драхенбурге. Я думала, об этом знают все, даже деревенские!

– Ну-у... – Плечи мужчины поднялись и опустились. – Не знаю, соглашусь ли я, что этот дом *лучший*, графиня. «Шоколадная чаша» – самый старинный и уважаемый из трёх шоколадных домов, но «Мекельхоф» стремительно набирает популярность после того, как кронпринцесса взяла над ним шефство, и я даже слышал...

– Чепуха! Никто из *поистине* уважаемых людей не отдаст предпочтение «Мекельхофу», – возразила женщина, – а уж о той маленькой дыре в стене, которая величает себя третьим шоколадным домом, и *говорить* нечего. – Она фыркнула. – Как бы то ни было... – Её карий взгляд скользил вверх-вниз и пристально изучал меня всю, начиная от длинной чёрной шерсти на голове, которая свободно свисала вдоль плеч, и заканчивая грязными лоскутками вокруг ног. – «Шоколадная чаша» обслуживает только высшее общество. Поэтому если ты ищешь подаяния, девочка, тебе лучше пойти в другое место.

Подаяние? Я не знала, что означает это слово, зато прекрасно поняла, что означал её взгляд.

Точно так же смотрела на меня сестра Цитрина, когда она в последний раз гостила у нас и я сообщила ей, что не вижу смысла учиться слагать стихи пятистопным ямбом. Слова были не нужны, её взгляд говорил сам за себя: *ты никогда не достигнешь чего-либо, чтобы стать достойной моего внимания.*

К сожалению, у меня не было огненного шара, которым вместо ответа я бы запустила в лицо этой женщине. Выражение лица Цитрины, когда я сделала *это*, было незабываемым.

Но и без дыма и огня я могла вытаращить глаза, как любое существо, родившееся человеком. Именно это я и не преминула сделать, да ещё и неистово ими завращала. Затем я влетела в дом перед графиней и решительно захлопнула дверь у неё перед носом.

Раздражённый вскрик долетел до меня сквозь стекло, но мне было всё равно. Когда дверь закрылась, я упала на колени, прикованная к земле силой восхитительного запаха, струившегося мне навстречу.

Оо-о, шоколад!

Аромат был даже лучше, чем в моей памяти. Лучше, чем у пищевого мага. Такой аппетитный. Такой яркий. Такой чистый.

Такой близкий!

Я застонала от нетерпения.

Как сквозь туман я увидела, что передо мной по всему помещению были расставлены чёрные столики, вокруг них стояли люди и оживлённо беседовали. Ещё более смутно я отметила, что в помещении воцарилась мёртвая тишина и что все посетители обернулись и посмотрели на меня, стоявшую на коленях.

Всё это было неважно. Это не имело никакого значения по сравнению с *ароматом*.

Шоколад был разложен по столикам в разных формах. Шоколад в чашах. Шоколад в бокалах. Были даже шоколадные деликатесы в просторных сверкающих стеклянных витринах слева от меня. Но мне требовалось только одно: *источник*.

Я встала и направилась к открытой двери в глубине комнаты, будто притягиваемая чудесной невидимой нитью.

– *Прошу* прощения! – Человек в чёрной одежде и с бледной, как мел, кожей бросился вперёд и преградил мне путь, не успела я сделать и двух шагов. – У вас заказ, мисс?

– У меня *что*? – разозлилась я, но он и не подумал отойти в сторону, а для меня он был слишком массивным, чтобы просто его обойти.

– В «Шоколадной чаше» слишком много посетителей, и мы не можем принимать клиентов без предварительно заказа. – Его тонкие губы скривились, когда он оглядел меня сверху вниз. – Так что, раз у вас не заказано, о чём я могу заключить, судя по вашей одежде и манерам...

Вокруг соседних столиков раздался смех.

Я нетерпеливо покачала головой. Зачем он тратит моё время на всякую чепуху?

– Я не ваш *клиент*, что бы это ни значило, – сказала я. – Я ваш новый подмастерье.

Он быстро заморгал, а его изогнутые губы вытянулись в линию.

– *Наш* подмастерье?

– Совершенно верно, – сказала я. – Я пришла сюда работать. – Я мало знала о человеческом обществе, но из слов, обронённых Гретой во время нашего путешествия, поняла, что подмастерье – это тот, кто учится с чем-то работать. А с чем ещё я хотела бы научиться работать?

У Яшмы была его философия, у Цитрины – поэзия, а у меня наконец появился шоколад. Божественный аромат окутал меня, и я тут же перестала тосковать по крыльям и когтям.

Но всё испортил человек.

– Ты? – Он осмотрел меня с головы до ног и рассмеялся. – *Ты*?

Я нахмурилась, встряхнула головой и откинула длинную шерсть от лица, чтобы открыто встретить его взгляд. – Конечно, *я*. – сказала я. – О ком ещё я могу говорить?

Но он не ответил. Он громко смеялся. Все посетители смеялись вместе с ним.

И они продолжали смеяться, когда спустя мгновение он подхватил меня под руки и вынес на улицу.

Как я ни отбивалась и ни колотила по его ногам своими скользкими грязными ступнями в лохмотьях, он ослабил хватку только отойдя на несколько метров от окон шоколадного дома. Он просто поднял руки и бросил меня.

Ой!

Я больно приземлилась на спину прямо в центре грязной ухабистой мощёной улицы. Позади меня заржали лошади и кто-то выругался, что я оказалась у него на пути. Нечто ужасное хлюпало под моими раскинутыми в стороны руками.

Охранник шоколадного дома отряхнул ладони и пошёл обратно, не обращая внимания на воцарившийся хаос.

Ему от меня так просто не отделаться! Я вскочила и бросилась к двери.

Прямо перед моим носом он её захлопнул. Тяжёлая металлическая задвижка щёлкнула с другой стороны. Я дёргала ручку, но дверь не поддавалась, как бы яростно я её ни тянула.

Я всмотрелась в неподвижную стеклянную дверь «Шоколадной чаши» и увидела, что все посетители встали и захопали в ладоши, приветствуя шоколадного охранника.

Он расцвёл и поклонился, отчего аплодисменты стали еще громче. Графиня, перед которой некоторое время назад захлопнула дверь я, аплодировала энергичнее всех.

Я смотрела на этих самодовольных тщедушных людишек и от ярости скрежетала зубами.

Они что, решили, что избавились от меня? Это был не единственный шоколадный дом в Драхенбурге. А если верить высокомерному другу графини, то, возможно, даже и не самый лучший.

В городе находились ещё два, и всё, что мне нужно было сделать, – найти их.

Найти второй шоколадный дом оказалось нетрудно. Он располагался всего в двух улицах от первого, в жёлто-белом здании, которое было похоже на «Шоколадную чашу» как близнец.

К сожалению, в нём тоже работал охранник. На этот раз это была женщина, но не менее сильная, чем мужчина в первом месте. Вышвырнув меня из своего шоколадного дома, она задержалась на улице и прочла мне лекцию, тыча в меня, лежавшую на земле напротив неё, своими смуглыми пальцами.

– Во-первых, всем хочется работать с шоколадом, с тех самым пор, как пять лет назад первый шоколатье из Вилленны открыл в Драхенбурге лавку. Здесь, в «Мекельхофе», мы удостоены высокой чести – нам покровительствует сама кронпринцесса! Так что мы принимаем на работу только лучших подмастерьев, с самыми отменными рекомендациями, которыми ты, – она посмотрела на меня спокойным и чистым взглядом, – явно не обладаешь.

Во-вторых, ты одета как нищенка и воняешь улицей, так что, если у тебя и есть рекомендации, ни один уважающий себя дом не станет всерьёз рассматривать тебя в качестве подмастерья шоколатье. Готовить шоколад – это искусство, а не ремесло, поэтому шоколатье могут происходить только из приличных сословий.

В-третьих, ты совсем не обучена манерам и не сможешь стать официанткой и подавать шоколад нашим клиентам, даже если мы предоставим тебе для работы новую одежду.

И в-четвёртых, – она покачала головой, глядя на меня сверху вниз с невыносимо сочувствующим видом, – почему ты не ходишь в общественные бани? Если ты помоешься, то, возможно, тебе повезёт и кто-нибудь возьмёт тебя служанкой.

О, я бы съела её за эти слова, если бы могла. Проглотила бы одним махом. Я бы спалила её в огне!

Но из маленького человеческого рта вырвалось лишь жалкое беззубое рычание, и она, похоже, даже его не услышала, потому что, уходя, бросила через плечо последнее напутствие:

– Не нужно хотеть того, чего не можешь иметь, девочка. Шоколад не для таких, как ты.

Она вернулась обратно в шоколадный дом, в котором властвовала, и даже не потрудилась закрыть за собой дверь.

Кипя от гнева, я лежала на улице и переваривала новую информацию. Лошади рысью проносились мимо меня, над головой пролетала людская брань.

Какой смысл быть человеком, если нельзя быть рядом с шоколадом? Наконец-то я нашла то, с чем хотела бы работать всю жизнь, но меня к нему даже не подпускают. Если бы только у меня были крылья и когти! Я бы проникла в шоколадный дом и просто *взяла* его, как нормальный дракон, понравилось бы им это или нет.

Если мне доведётся снова встретить этого подлого пищевого мага, я его *укушу*! В тот момент я даже забыла, что мои человеческие зубы слишком хрупкие и мелкие, чтобы причинить серьёзный вред.

Уж я бы заставила его снять заклинание, чего бы это ни стоило. И тогда...

Я встала на колени, потом поднялась на ноги и отступила на тротуар, решительно стиснув зубы.

Драконы не сдаются! В Драхенбурге был ещё один шоколадный дом, пусть заносчивая графиня и обозвала его дыркой в стене, о которой и говорить не стоило.

Я выросла в пещере. Я *любила* «дыры в стене».

Даже если по человеческим меркам я выгляжу недостаточно «достойно», чтобы работать с шоколадом... с какой стати это должно меня остановить? За последние два дня я уже пережила одно превращение.

Теперь, очевидно, настало время для второго.

Насколько трудным оно окажется?

Глава 7

Я и не подозревала, какое огромное значение человеческие существа придают деньгам.

Ни один из философов Яшмы деньги не уважал, насколько я могла судить по своему жалкому опыту. Год назад мы с ним устроили соревнование, кто сможет нанизать на когти больше человеческих корон и ожерелий. Я победила, и брат сначала полтора часа дулся, а потом докучал мне цитатами из длиннющей человеческой книги о том, насколько на самом деле пусты и бессмысленны золото и бриллианты.

Владельцы лавок в Драхенбурге обратили бы на эту высокодуховную философию не больше внимания, чем я тогда, торжествуяще взмахнув сверкающими когтями перед лицом Яшмы. Они вышвырнули бы автора этой книги из лавки, если бы он попытался процитировать им свои строки.

Оказалось, что люди ни с чем не расстаются бесплатно.

Проблуждав по Драхенбургу несколько часов, с урчащим от голода желудком и ноющими от боли ступнями, я наконец нашла то, что могла бы отдать в обмен на деньги.

– Эй! – Человеческая девочка окликнула меня, когда я топала прочь от очередной бесполезной лавки с платьями. – Подожди! – Она схватила меня за руку и, развернув, с озорной ухмылкой разглядывала, как хищник, поймавший добычу. На первый взгляд она казалась моей ровесницей, но на голову выше, а держалась так важно и чванливо, что выглядела на десяток лет старше.

Всё это не означало, что я перед ней спасую. Я выдернула руку и прорычала:

– Что тебе нужно? Я ведь вышла из твоей глупой лавки, разве нет?

– О, я в ней не работаю, – сказала она. – Разве я похожа на подмастерье модного портного? – Одной рукой она нетерпеливо провела по тёмно-зелёным мужским брюкам и пальто, которые болтались на её долговязой фигуре, будто были сшиты не на неё, а другой пригладила на голове чёрную шерсть, плотными тугими кудрями выходящая вокруг смуглого лица. Она была короче, чем шерсть на голове у всех женщин, которых мне довелось видеть до сих пор. – Я уже полчаса наблюдаю за тем, как тыходишь и выходишь из лавок. Ты приехала в большой город и тебе нужна новая одежда, да? Но не хватает денег?

Я совсем не доверяла людям, которые делали вид, что хотят помочь. Бросив на это человеческое существо высокомерный взгляд, я приподняла полоски шерсти над глазами, как это делали другие.

– И что?

– Я знаю одно место, куда ты можешь зайти. – Её шерсть над глазами сморщилась, когда она, поджав губы, осмотрела меня сверху донизу. Если я выглядела на двенадцать лет, то ей было самое большее тринадцать, и она точно была человеком, хотя расстроенное выражение лица делало её очень похожей на мою маму. – Все зависит от того, насколько тебе дороги твои волосы.

– Мои *что*? – Я изумлённо уставилась на неё.

– Ну, ты понимаешь. Волосы. Вот эти. – Она протянула руку и дёрнула прядь моей длинной гладкой шерсти на голове. – Ты к ним сильно привязана?

У меня закружилась голова, пока я смотрела на неё, пытаюсь вникнуть в её слова. Как я уже поняла, люди и логика не всегда существовали в одной плоскости.

– Как я могу не быть привязана к своим волосам? – спросила я. – В противном случае они бы не удержались на моей голове!

– Ха! – усмехнулась она, и в её глазах заплясали бесенята. – Идём. – Она крепко взяла меня за руку, и на этот раз я с неохотой поддалась. – Меня зовут Силке, и я покажу тебе дорогу, – добавила она.

Из всего того, что люди покупали и продавали, волосы – самая необъяснимая штука. По какой-то причине длинная шерсть на голове, вроде моей, представляла для них большую ценность. Поэтому я, не рыча и не кусаясь, послушно села на высокий стул в крошечной лавочке в соседнем квартале. Ветхие разваливающиеся серые здания там плотно жались друг к другу, а тусклая краска на стенах лавок сильно облупилась. Силке стояла сбоку от меня, сложив руки на груди и пристально наблюдая за тем, как владелец лавочки отрезал толстые пряди моих волос до тех пор, пока длина оставшихся едва стала доходить до глаз.

– Ну вот! – сказала Силке. – Получится не меньше тридцати марок.

Мрачный старик без узла на шее, обрезавший мои волосы, хмыкнул:

– Двадцать, возможно, если...

– Двадцать пять, – сказала Силке и протянула руку, нетерпеливо шевеля пальцами.

Вздыхнув, он опустил руку в карман и высыпал ей в ладонь горстку монет.

Прищурившись, я посмотрела, как они звякнули.

– Разве они не должны достаться мне?

– Конечно, – ответила моя помощница и лучезарно улыбнулась. – Все до одной, за вычетом моих комиссионных.

Её «комиссионными» оказалась одна крупная серебряная монета, которую она выхватила из моей кучки и сунула в карман, предусмотрительно спрятанный на внутренней стороне её просторного пальто. Я проводила монету взглядом и сжала в ладони оставшиеся серебряные и медные монеты.

– Сколько марок у меня осталось?

– Двадцать, – сказала Силке и открыла входную дверь лавочки. – К счастью, я точно знаю, где можно раздобыть отличное платье, уже готовое, за эту цену. И почти новое!

Дедушка любил повторять, что бывают времена, когда нужно просто плыть по ветру и смотреть, куда он тебя занесёт, если еды мало и ты не знаешь, где прячется добыча. Поэтому я не раздумывая покинула лавку и пошла за Силке.

Однако мозг продолжал лихорадочно работать. Пока девчонка вела меня сквозь толпы людей, легко и уверенно прокладывая себе путь, я запоминала каждый поворот улицы и все ориентиры. Я смогла бы найти дорогу назад даже в темноте. Может, в человеческом обличье я и была маленькой, но оставалась самым лютым зверем в этом городе.

И всё же у меня опустились руки, когда я увидела платье, выбранное для меня Силке.

– Ты ведь это не серьёзно?

Место, в котором мы находились, располагалось примерно в получасе ходьбы от лавочки, где я недавно оставила почти все свои волосы. Силке назвала его «рынком». В отличие от заносчивых жёлто-белых домов центрального Драхенбурга, с их похожими друг на друга крашеными стенами и стеклянными дверями, рынок представлял собой свалку одежды под открытым небом. Тряпки лежали на шатких деревянных прилавках, теснившихся вдоль грязного берега длинной коричневой реки. Платье, которое Силке с гордостью выудила из кучи, на вид было таким же неряшливым, как и мутная река.

– Что тебе в нём не нравится? – спросила Силке. Она нежно провела пальцем по коричневым складкам. – Ни пятен, ни дыр, и всего лишь прошлогодний фасон. Оно...

– Мне нужно выглядеть прилично! – сказала я. – А это платье – оно такое... скучное. Силке закатила глаза.

– Прилично *и означает* скучно, – сказала она. – Ты этого ещё не поняла?

К тому времени я уже перестала удивляться и пугаться, когда люди закатывали глаза. Я скрестила руки на груди и выдвинула подбородок, став ещё больше похожей на человека.

– Я такое не надену, – твёрдо сказала я. – Мне нужна цветная одежда. – Ни один дракон в мире не отнёсся бы ко мне серьёзно, надень я скучное, однообразное коричневое платье без

украшений. Мне хотелось рычать, демонстрировать свою силу всем встречным, а не прятаться, как перепуганное стадное животное, стремящееся слиться с окружающей средой.

– Хорошо. – Силке тяжело вздохнула. – Но, по-моему, ты совершаешь большую ошибку.

– Знаешь. – Я посмотрела на неё, а потом на человека мужского пола постарше (но ещё не мужчину), который торговал за маленьким прилавком, где Силке нашла мне платье. Мне всё легче давалось подмечать различия между людьми и... сходства. – Знаешь, что я думаю? Я думаю, что эта лавочка принадлежит твоей семье, а ты пытаешься меня обмануть, чтобы прикарманить *все* мои деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.